

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ЗАКОН И ЭКСПЕРИМЕНТ В ПСИХОЛОГИИ*

© 2001 г. Курт Левин

VIII

Вторая сложность для нашего тезиса связана с методами *количественного*, *“точного”* определения зависимости друг от друга различных динамических факторов кондиционально-генетических типов процессов или состояний. Это сложность тем более важна для нашей проблемы, что именно в последнее время (прежде всего в физике) из этого были выведены далеко идущие концептуальные последствия и даже сложилось убеждение в том, что вообще тезис о “строгой природной закономерности” должен быть заменен принятием простой “регулярности” в смысле более или менее высокой “вероятности”.

Поскольку значения отдельных “измерений” всегда обладают большим или меньшим разбросом, достигнуть абсолютной точности невозможно. Поэтому необходимо довольствоваться “приближениями”. Это несовпадение отдельных реализаций одного и того же типа, а, следовательно, и повторений одного и того же опыта, справедливо объясняют воздействием “неконтролируемых”, “случайных” факторов, т.е. влияниями, восходящими к меняющимся историко-географическим сочетаниям условий. Методы, фактически используемые в реальных исследованиях для уменьшения “разброса” и, тем самым, для достижения все более и более точных приближений, основываются по существу на том, что исследователи научаются все лучше выполнять требования *одинаковых* исходных условий в каждом из опытов, и все лучше ограждать ход исследуемого процесса от случайных меняющихся сочетаний условий окружающего мира путем установления все более действенных *реальных* границ.

Таким образом для осуществления возможно более “точного измерения” фактически необходимо несколько повторений процесса или состояния одного и того же типа, а последующая математическая обработка этих случаев в той мере, в какой она связана с вопросом точности, происходит целиком в соответствии с принципами теории вероятности, так что в результате получаются не строгие законы, а всего лишь правила. Это полностью согласуется с тем, что “*остаточные факторы*”, которые благодаря этой процедуре должны устраняться, в отличие от моментов, конституирующих исследуемый тип процесса как

таковой, ни в коем случае не принадлежат к одному и тому же типу состояний или процессов, но определяются именно как совокупность *меняющихся* от случая к случаю неконтролируемых фактов и поэтому допускают обращение с собой лишь как с “членами” историко-географического “множества”²¹.

Однако было бы полностью ошибочным ставить эти значимые с точки зрения количественной “точности” результатов “остаточные факторы” на одну ступень с факторами, определяющими сам изучаемый тип процесса или состояния как таковой. Приведем лишь один пример. В определенных опытах по психологии воли может создаваться совершенно различная реальность в зависимости от того, чувствует ли себя испытуемый в ходе опыта в качестве “испытуемого”, или же держится относительно “естественно” и свободно. То, что в каждом из этих случаев мы имеем дело с состояниями действительно разных типов, которые, соответственно, приводят (при одних и тех же прочих условиях) к различным процессам, можно увидеть, в частности, и по изменению определенных количественных результатов. Такого рода математическое сравнительное сопоставление двух *типов* состояний и доказательство их различия даже число математически происходит совершенно иначе, чем исследование разброса и исключение путем вычислений случайных остаточных факторов при рассмотрении “множества” реализаций *каждого* из обоих типов состояний самого по себе. Точно так же и в физике исследователь действует по-разному в зависимости от того, хочет ли он изучить последствия замены фактора *a* фактором *b* (т.е. изучить различие между двумя типами) – что при определенных обстоятельствах можно сделать путем сопоставления соответствующих средних значений, – или же он хочет количественно обработать не анализируемый комплекс постоянно меняющихся остаточных факторов для того, чтобы возможно более адекватно и точно представить каждый из этих типов в отдельности.

Различие между остаточными факторами и моментами, определяющими тип процесса, оказывается особенно впечатляющим в том случае,

²¹ Впрочем, как показал Райхенбах, методы экспериментирования неявно содержат и определенные имплицитные допущения (в форме вероятностных функций) о совокупном действии этих остаточных факторов.

*Окончание, начало в № 2, 2001.

когда обнаруживается, что трактовка определенных различных значений в качестве разброса “одного” значения была содержательно ошибочной. В качестве примера можно сослаться на случай, изучавшийся в другой связи: вес отдельной фасолы определенного сорта колеблется, например, между значениями 10 и 40. “Кривая распределения” этих значений может располагаться так, что формально математически ничего нельзя возразить против той точки зрения, что мы имеем дело с обусловленным остаточными факторами распределением значений одной-единственной величины. И тем не менее может оказаться, что если взять потомство каждой из фасол по “чистой” линии, то обнаружатся, например, четыре кондиционально-генетически отличных друг от друга сорта, у первого из которых вес будет колебаться лишь от 10 до 19, у второго лишь от 17 до 28 и т.д. Так что в таком случае, несмотря на все “формальные” возможности, представлять всю совокупность измерений веса на одной кривой распределения было *содержательно* неадекватным, и если бы исследователи действительно объединили все данные и количественно обрабатывали бы их как единое целое, это было бы операцией, основывающейся на *ошибочном* тезисе. Таким образом, даже при идентичных с чисто математической точки зрения соотношениях, в одном случае рассмотрение всей совокупности значений в качестве единого распределения (т.е. объяснение разброса “остаточными факторами”) будет *правильным* – ведь речь действительно могла идти и о генотипически едином сильно варьирующем по весу сорте фасоли, – тогда как в другом случае такое рассмотрение будет ошибочным, и исследователь будет вынужден вместо “остаточных факторов” принимать в расчет “конституирующие факторы” и, соответственно, обращаться к другим математическим средствам.

В случае остаточных факторов мы имеем дело с факторами, которые могут принадлежать к совершенно разным типам в каждом из отдельных случаев и быть никак не связанными с исследуемым типом процесса, за исключением того, что взятые в совокупности они приводят к разбросу результатов вокруг некоторой центральной точки²². Разумеется, в ходе исследования могут встретиться и сомнительные случаи, особенно

когда исследователь не научился еще “воплощать” или реализовывать рассматриваемый тип процесса так, чтобы в значительной мере исключить неконтролируемые влияния текущего историко-географического окружения. Чисто формально-логически остаточные факторы и факторы, конституирующие данный тип процесса, могут обнаруживать известное сходство. Однако с теоретико-познавательной точки зрения между ними всегда имеются коренные различия. Так более пристальное рассмотрение остаточных факторов обязательно приводит к новому подтверждению взаимосвязи, во-первых, между “регулярностью” (в смысле простой вероятности) “членами” того или иного “множества” и историко-географическими сочетаниями условий, и, во-вторых, между “закономерностью” и “типом” в смысле систематики.

1. Процессы, *очень близкие* фенотипически, могут быть *очень различными* по своему кондиционально-генетическому типу и, наоборот, одинаковые или очень близко родственные по своему кондиционально-генетическому типу процессы могут принадлежать к весьма различным фенотипам.

Кроме этого, большое значение для исследовательской практики имеет следующий пункт, нередко являющийся источником значительных исследовательских затруднений. А именно:

2. Фенотипически *относительно единый* процесс, феноменальное описание которого может укладываться в единый тип, может кондиционально-генетически состоять из *последовательности совершенно разнородных процессов*, цепочка которых лишь имитирует “картину” единства; и, наоборот, ход событий, фенотипически представляющийся лишь последовательным рядом совершенно разнородных, возможно даже отделенных друг от друга явными паузами событий, вполне может быть *единым* процессом, управляемым одним и тем же законом.

Поясняя это, я приведу для начала простой пример из физики: изменение местоположения движущегося шара. Фенотипическое описание такого изменения может быть представлено, например, в виде кривой, на которой помечается направление движения, а скорость шара передается путем указания его положения через определенные временные интервалы.

Такого рода процесс может *не быть фенотипически единым*, т.е. состоять из множества кусочков, требующих отдельного описания.

Рисунок 1 наглядно показывает следующий процесс: между моментами 1 и 2 шар катится по весьма неровной дорожке, в момент 3 замедляется на узком и шероховатом участке пути, далее катится по горизонтальной доске и в момент 30 на этой доске останавливается. Шар спокойно ле-

²² В физике, так же, как и в психологии, был разработан целый ряд математических количественных критериев для определения того, следует ли данное “распределение” отдельных значений рассматривать как обычный вызванный “остаточными факторами” разброс данных, или же как проявление факторов, конституирующих данный тип процесса. Разумеется, не следует забывать, что формально-математически в обоих случаях могут использоваться однородные (например, статистические) методы, и что речь идет не о различии математической структуры представления данных, но прежде всего о *смысле* применения того или иного представления в конкретном случае.

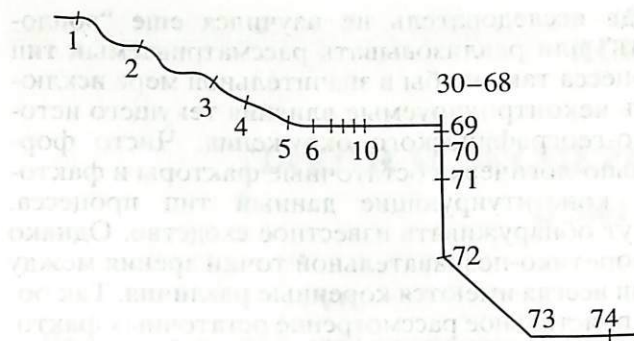

Рис. 1.

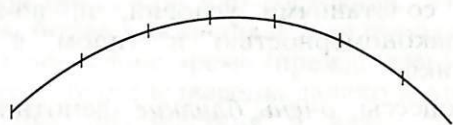

Рис. 2.

жит там до момента 68, когда доску внезапно потянули вниз так, что шар начал двигаться в соответствии с законом свободного падения, в момент 72 он упал на наклонную плоскость и покатился по ней и т.д. Все, что произошло с шаром между моментами 1 и 74 фенотипически (а также и генотипически) представляет собой множество *различных* следующих друг за другом типов процессов и состояний.

Однако течение событий в промежутке между двумя моментами времени может представлять собой и *фенотипически единый* процесс, который изобразим одной математической функцией, например, определенной параболой (рис. 2)²³. Однако этот процесс, по своим феноменальным особенностям описываемый через параболу, кондиционально-генетически может означать в разных случаях весьма различные движения. 1. Речь может идти об “автономном” движении, напри-

мер, о “свободной” баллистической траектории. 2. Однако это может быть и “вынужденное” в каждой своей точке движение, траектория которого задается механическим желобом или же получается в силу соединения движущегося тела с каким-то другим образованием. Итак, то, что представляется *одним и тем же* движением, в одном случае оказывается свободным движением, возникающим исключительно под влиянием силового поля и кондиционально-генетически являющимся *одним* единым, подчиняющимся *одному* единственному закону типом процесса, а в другом случае вызывается случайным историко-географическим взаимодействием множества весьма разнородных и подчиняющихся очень разным законам влияний (т.е. представляет собой простую *цепочку* процессов, отдельные звенья которой принадлежат весьма разнородным типам процессов и лишь кумулятивно, “случайно” следуют в нужный момент друг за другом, образуя единую “картину”). Таким образом, оба приведенных выше основных признака расхождения между фенотипическим и кондиционально-генетическим определениями процесса можно продемонстрировать и на физическом примере: степень родства двух процессов в каждом из этих двух отношений может быть очень различной. И, далее, в каждом из этих случаев по-разному может определяться то, что должно выступать в качестве “*одного* единого” процесса.

Таким образом, если мы хотим отнести процесс к какому-либо кондиционально-генетическому типу, то следует соблюдать условие: речь действительно идет об *одном* внутренне едином процессе. Необходимость видеть процессы – со всеми их членениями, взаимосвязями и разграничениями – содержательно “правильно”, такими, каковы они в действительности, является весьма сложной и насущной задачей именно для *психологии*. Поэтому стоит привести еще несколько примеров, теперь уже из этой области знания.

Например, нам нужно *описать поведение* ребенка в течение определенного промежутка времени. Чтобы облегчить выполнение этой задачи, поведение ребенка снимается на киноленту и фиксируется в непрерывно ведущемся протоколе. Как правило, составление более или менее удовлетворительного *фенотипического* описания вида и структуры поведения (качественные изменения, паузы, остановки, способы перехода от одного действия к другому) не является слишком сложным делом. Например, малыш наблюдает, как другой ребенок вкатывает тачку вверх по наклонной доске, и идет рядом с этой тачкой. Затем он со все более нарастающим беспокойством ждет, не удастся ли и ему подойти к тачке, и возбужденно бежит туда-сюда. Наконец, он отнимает тачку у другого ребенка и сам толкает ее вверх. Сначала он осторожно двигает ее разными

²³ Пример с движением показывает еще и то, что фенотипические особенности и отношения временами можно представить *математически*. Поэтому формально-логически между представлениями фенотипического и кондиционально-генетического определений не обязательно должна существовать разница. Однако смысл такого рода представления в обоих случаях совершенно различен: определенное представление может правильно характеризовать фенотип процесса и в то же время быть ложным с точки зрения передачи кондиционально-генетических особенностей того же самого процесса. Таким образом, одна и та же математическая функция будет означать здесь с теоретико-познавательной точки зрения нечто различное в зависимости от того, должна ли она описывать процесс фенотипически, или же предполагается, что она отражает его генотип. В этом отношении математическое представление само по себе является неоднозначным до тех пор, пока из контекста не станет ясно, выражением *чего* именно оно должно являться.

способами и многократно выравнивает, пока, наконец, ему не удастся почти закатить ее на самый верх. Однако незадолго до того, как она оказывается там, ее колесо соскальзывает с доски. И тачка снова медленно скатывается вниз. В это время ребенок замечает, что другой малыш взял его плюшевого мишку, бежит к нему и после короткой борьбы вырывает мишку у другого ребенка. Затем бежит к качелям, залезает на них и начинает раскачиваться, и т.д.

Даже при таком охватывающем лишь несколько минут ходе событий, наблюдатель, как правило, сталкивается с целой *цепочкой* очень *разнородных* процессов: “трудовые действия” в узком смысле слова (типа кропотливого установливания тачки, чтобы закатить ее наверх); “проявления волнения и беспокойства” (типа хождения туда-сюда при нетерпеливом ожидании), “борьба” и т.д. Таким образом, при такой сортировке поведения по содержанию процесс распадается на множество частных процессов: их следует отнести к весьма различным типам²⁴, каждый из которых может определяться своим отдельным законом.

При этом вопрос о том, *какие фазы* можно выделить в целостном процессе поведения в качестве *внутренне единых* и отграниченных друг от друга событий, и *где конкретно* провести *границы* между ними, на первый взгляд кажется при *фенотипическом* подходе к рассмотрению поведения достаточно простым. Ибо качественные различия структуры происходящего в случае спокойного бегания туда-сюда, и в случае целенаправленных неумолимых усилий по выравниванию тачки, не оставляет сомнений в том, что было бы неверно и содержательно неадекватно проводить линию границы, например, посреди проявлений беспокойства. Представьте, что мы как бы разрезаем его на две части и объединяем вторую часть с началом, например, первой третью вкатывания тачки в “один” процесс; выделяем далее следующую одну шестую часть вкатывания тачки в качестве “самостоятельного” действия и объединяем в последнюю фазу поведения оставшуюся часть вкатывания и бег к плюшевому мишке и качелям. При такого рода разделении отнесение каждой из этих “целостностей” к какому-либо *одному* типу процессов было бы исключено. Качественная однородность по-настоящему целостных процессов, паузы или явно выраженные “точки переключения” между ними (например, “внезапный” бег от тачки к плюшевому мишке) и многие другие моменты более или менее однозначно определяют те места в общем те-

чении событий, где должны быть проведены границы между отдельными процессами, или, во всяком случае, существенно ограничивают круг возможностей, о которых может идти речь²⁵.

Разумеется, при этом, как правило, не определяется каждый отдельный момент времени с точностью до 0.001 сек. Ведь *граница* между различными событиями не есть лишь “мысленный”, лишенный протяжения “разрез” (точно так же, как и расчленение процесса на части не является лишь мысленным), но представляет собой *реальный переход*, и поэтому, как и любая реальная граница, обладает определенным протяжением.

В той мере, в какой указание границы между двумя следующими друг за другом событиями в силу реальной ее протяженности отягощено временной “неточностью”, встает простой “вопрос точности”, не затрагивающий содержательную проблему сколько-нибудь существенно. Ибо с содержательной точки зрения вполне достаточно установление того, что по обеим сторонам более или менее однозначно определенной пограничной зоны лежат два различных события, каждое из которых обладает внутренним единством.

Если мы не хотим ограничиваться указанием феноменальных свойств процесса или состояния, т.е. отнесением его к соответствующему фенотипу, а хотим выделить кондиционально-генетические взаимосвязи и разделения в рамках целостного процесса (как это отчасти было сделано уже в приведенном выше описании), то разграничить различные принадлежащие к тому или иному типу процессы внутри “вырезанного” из исторической действительности хода событий становится гораздо сложнее. В этом случае различие наблюдения за другим ребенком (отбирания, вкатывания тачки, эмоционального беспокойства и т.д.) должно иметь значение выделения определенных взаимосвязей и разграничений в структуре *условий* этого процесса.

Разумеется, на первый взгляд может показаться, что уже само фенотипическое членение процесса одновременно определяется и реальными взаимосвязями (в каузально-динамическом смысле), или их отсутствием. Например, кажется само собой разумеющимся, что установливание колеса на доску после первой безрезультатной попытки закатить тачку следует рассматривать в качестве “обходного действия” как относительно самостоятельную часть в рамках работы по “вкатыванию тачки”. И точно так же кажется достоверным, что бег к качелям и предшествующий ему бег к плюшевому мишке кондиционально-генетически также следует рассматривать в качестве двух отдельных самостоятельных процессов. Однако при ближайшем рассмотрении обычно обнаруживается, что если мы действительно будем понимать эти разграничения в кондиционально-

²⁴ При устройстве научной фильмотеки постоянно приходится бороться с этой трудностью. И лишь очень редко оказывается возможным *однозначно* распределить такого рода процесс по категориям так, чтобы не упустить и не исказить ничего существенного.

²⁵ Чтобы не усложнять изложения, я ограничиваюсь здесь и ниже по большей части лишь внешне наблюдаемыми действиями и их свойствами. Однако, и это следует подчеркнуть особо, перед психологией стоит задача определения и “внутренних переживаний” в качестве как фенотипических (с помощью самонаблюдения), так и кондиционально-генетических фактов.

генетическом смысле, то их правильность ни в коем случае не может считаться несомненной. Скорее напротив, действительные причинные взаимосвязи и разграничения нередко оказываются совсем иными, чем это представляется первому впечатлению. Например, то, что ребенок бросается от тачки к плюшевому мишке, *может* рассматриваться как “разрушение” действия вкатывания тачки в результате появления сильного “внешнего” раздражителя: мишки, на которого ребенок “случайно” взглянул, могло исходить сильное побуждение. В этом случае бег к плюшевому мишке был бы по отношению к предшествующему действию с тачкой каузально новым процессом, в значительной степени самостоятельным и вытекающим из внешнего по отношению к данной системе раздражителя.

Однако этот же процесс *мог* в значительной степени обуславливаться и происшествием с тачкой: неуспех в ситуации с тачкой мог породить тенденцию к “выходу из поля”, которой и поддался ребенок при первой же представившейся возможности. В этом случае то, что ребенок убежал к плюшевому мишке, каузально-генетически следует рассматривать не как вторжение в действие с тачкой *нового* процесса, совершенно с этим действием внутренне не связанного (и отделенного от него явной и отчетливой границей), но как производный процесс, вытекающий именно из происшествия с тачкой, его “естественную” заключительную фазу, объясняемую разворачиванием событий с тачкой. И сама потасовка из-за плюшевого мишки должна была бы в этом случае оцениваться в основном как разрядка гнева, вызванного неуспехом с тачкой, или по меньшей мере как процесс, обусловленный наряду с прочими факторами и этой разрядкой гнева.

Чисто фенотипическое структурирование процесса часто не дает достаточно надежных оснований для принятия такого рода решений. Переход *от одного процесса к другому, существенно отделенному от него по структуре своей обусловленности, фенотипически может происходить вполне постепенно*. Так, переход от одной игры к другой, например, от попыток полугодовалого малыша сесть на камень при игре в мяч, может происходить постепенно и непрерывно, и причем кондиционально-генетически это могут быть по существу два отдельных процесса, лишь пересекающихся в пространстве и времени своими крайними фазами. Более того, при определенных условиях вторая половина вкатывания тачки может даже начать плавно определяться новым решением ребенка и таким образом быть с каузально-генетической точки зрения отдельной от первой половины, даже если оба эти процесса переходят друг в друга, не претерпевая каких бы то ни было фенотипически существенных изменений.

И наоборот, качественно отличные друг от друга процессы, вполне завершенные и феноменально разделенные отчетливыми паузами, “внутренне”, по структуре своей обусловленности, могут по существу быть лишь частями *единого* процесса. Так, например, если испытуемому в ходе опыта надо выполнить ряд весьма различных заданий (решить арифметический пример, переписать стихотворение, стрелять по мишени и т.д.), то эти процессы *могут* каузально-динамически также быть отдельными друг от друга (рядом отдельных “действий с четким концом”, каждое из которых обладает своей внутренней завершенностью). Однако бывают и такие случаи, когда испытуемый воспринимает все эти задания как “опыт” и как *одно* непрерывное “занятие”. Кондиционально-генетически мы имеем также дело с одной непрерывной работой, обнаруживающей во многих отношениях, прежде всего с точки зрения результирующих душевных напряжений²⁶, совершенно другие последствия. Впрочем, и равенство “переживаний” не является доказательством кондиционально-генетического равенства процессов²⁷ и, наоборот, за значительным различием переживаний (как, например, в случае “дерзости” и “смушения”) могут скрываться весьма близкородственные кондиционально-генетические состояния.

Когда при обведении карандашом кривой (например, на “двуручном аппарате”) получается ломаная линия с большим количеством зубцов, то кондиционально-генетически она *может* быть результатом относительно гомогенного процесса: линия обводилась *одним* движением, однако при этом рука дрожала. В другом же случае такая же линия может быть результатом *большого количества самостоятельных действий*, возможно разделенных паузами, размышлениями и принятием решения с различными силами поля в каждом отдельном случае.

Таким образом, тот факт, что фенотипически идентичные или очень сходные образования и процессы могут быть генотипически весьма различными, и наоборот, проявляется еще и в том, что выделение в общем ходе событий внутренне взаимосвязанных целостных процессов, исходя из той и другой точки зрения, не обязательно будет совпадать друг с другом²⁸. *В принципе только*

²⁶ В. Zeigarnik, 1927.

²⁷ К. Левин. Намерение, воля и потребность.

²⁸ Расхождение, или, точнее, неполное совпадение меры феноменальных и кондиционально-генетических взаимосвязей является основным источником ошибок при исследовании конкретных психических процессов и при попытках целенаправленно влиять на них, например, в педагогике. Ибо реальные внутренние взаимосвязи часто видятся неверно в силу того, что они не соответствуют феноменальной структуре процесса.

Впрочем, вопреки более старым воззрениям следует подчеркнуть, что, несмотря на это, феноменальная структура процесса обычно в значительной степени согласуется с каузально-генетической структурой и до определенной степени всегда является ее основой.

планомерное изменение ситуации позволяет судить о том, с какими каузально-динамическими фактами мы имеем дело в данном конкретном случае. Следует отметить, что для конкретного исследования воли, потребностей и аффективных процессов, законов научения и образования навыков и т.д., адекватное “выделение”²⁹ и разграничение конкретных наличных процессов в соответствии с их действительными кондиционно-генетическими взаимосвязями и правильное отнесение их к соответствующим типам является сегодня одной из сложнейших и важнейших психологических задач.

Эта задача столь важна прежде всего потому, что распознавание “действительных” целостностей процессов представляет собой предпосылку для установления законов психических процессов.

Разложение процесса на процессуальные дифференциалы никоим образом не решает проблему выделения целостностей действия. Даже когда речь идет о различных состояниях и силовых полях в физике (а также, когда в психологии эквивалентным — с теоретико-познавательной точки зрения — образом в фокусе рассмотрения оказываются наличные в тот или иной момент состояния и господствующие в них напряжения и силы), не следует забывать, что процесс не разлагается на чисто статические, лишённые временного протяжения “состояния”. Скорее мы должны — если не хотим дойти до абсурда — остановиться на действительно процессуальных дифференциалах, т.е. на протяженных во времени событиях, причем процессуальный дифференциал необходимо является дифференциалом процесса более или менее определенного типа. Причем тот факт, что в физике все виды процессов кондиционно-генетически сводятся лишь к нескольким или даже одному типу (например, к “движению” в смысле изменения относительного положения в пространстве), ничего не меняет и притом сам становится возможным лишь на основе предшествующего “выведения” друг из друга различных типов процессов.

Описание кондиционно-генетического типа процесса происходит именно посредством указания “его закона”. Да, мы настаиваем на тезисе о том, что закон представляет собой не что иное, как описание определенного кондиционно-генетического типа процесса³⁰, или же комбинация нескольких таких типов. Причем приведенное выше утверждение о соотношении закона и типа можно уточнить следующим образом: “подчиняться определенному закону” означает не что иное, как “принадлежать определенному кондиционно-генетическому типу процесса”.

X

Существует два основных варианта характеристики кондиционно-генетического типа

²⁹ Вряд ли требуется специально останавливаться на том, что точка зрения, согласно которой можно произвольно делить процесс на фазы, не выдерживает критики.

³⁰ К “процессам” следует относить и “состояния” (мы не имеем здесь возможности подробнее остановиться на этом). Таким образом, закон может иметь дело и с определением кондиционно-генетического типа состояния.

процесса. Во-первых, тип можно описать, указав ряд следующих друг за другом фаз процесса, и то, как эти фазы друг от друга зависят. Во-вторых, можно указать, как взаимосвязаны друг с другом различные существенные свойства и особенности процесса. Теоретико-познавательные рассуждения по поводу “закона и причинности” обычно исходят из первой формы представления закона, т.е. из формулы: если a , то b . Например, свободное падение тел можно определить, разложив процесс на отдельные фазы (например, отведя по одной секунде на каждую фазу³¹) и указав для каждой из них среднюю скорость или пройденное за эту фазу расстояние.

Однако, как правило, когда формула “если a , то b ” в ходе теоретико-познавательных рассуждений понимается во временном смысле (т.е. в смысле раньше-позже), то имеются в виду несколько другие случаи — типа “когда газ нагревают, он расширяется (или: его давление увеличивается)”. Но смысл такого высказывания состоит по существу в следующем: события a и b необходимо являются несамостоятельными моментами одного единого процесса. При этом математическая формула выражает количественные соотношения этих моментов. Уже в этих случаях несамостоятельные моменты процесса являются во временном отношении сосуществующими одновременно. Таким образом, вытекание одного события из другого должно рассматриваться не как временная последовательность, а относиться уже ко второму варианту представления закона, который и является безусловно преобладающим, особенно в физике.

Впрочем, положение дел можно повернуть и таким образом, что, например, в случае газового закона $V_i/V_0 = P_i/P_0$ объемы будут определяться как кондиционно-генетические факты: определенное состояние (объем) будет рассматриваться здесь не как фенотипический факт, но как переменная величина, по-разному ведущая себя в различных условиях.

Закон свободного падения $S = gt^2/2$ обычно понимается в этом втором смысле: существенные моменты данного типа процесса (S и t) находятся в функциональной зависимости друг от друга на всем протяжении процесса. В случае этой второй формы закона особенно отчетливо видно, что в нем речь, по существу, идет вовсе не об отношении “причины” и “следствия” в смысле разделенных во времени событий, а о том, что определенные характерные моменты единого процесса находятся в функциональной зависимости друг от друга.

Интуитивно правильное ощущение этого положения дел, по всей вероятности, решающим образом повлияло на формулирование тезисов “функционализма”. Однако понимание того, что

³¹ Относительная произвольность выбора величины фазы определяется здесь тем, что мы имеем дело с процессом “гомогенного” типа.

с логико-математической точки зрения мы имеем здесь дело с формой простой функциональной связи, не должно закрывать от нас определенных гносеологических факторов³². Мы не должны забывать: если хотим, чтобы математическая формула обладала физическим смыслом, то необходимо чтобы S и t не только означали "путь" и "время", но и иметь ввиду вполне определенный тип процесса, а именно свободное падение. И формула $S = gt^2/2$ будет справедлива для конкретного процесса в качестве закона в собственном смысле слова лишь тогда и лишь в той мере, если мы действительно будем иметь дело с *процессом* кондиционально-генетического типа "свободное падение" или эквивалентного ему типа. Подчинение конкретного процесса этому закону будет ошибкой, если, к примеру, речь пойдет о полностью "вынужденном" процессе, даже если в силу случайного совпадения результирующее движение будет внешне таким же, как и в случае свободного падения.

Таким образом, в законе всегда содержится ссылка на обладающие определенными характеристиками типы процессов или "типы состояний", причем всегда на такие процессы (или состояния), которые с кондиционально-генетической точки зрения представляют собой не простую последовательность разнородных процессов (и не просто сумму состояний), а являются *одним* единым типом процесса (или типом состояний).

С этим связан тот факт, что законы обычно не имеют дела с полностью вынужденными процессами (или затрагивают их лишь отчасти), но относятся к автономным, *развивающимся по собственным законам* процессам, или же к взаимодействию автономных и вынужденных процессов.

XI

Важно, что *такого рода определение процесса через его "закон" является действительно осмысленным лишь тогда, когда оно понимается как определение "типа процесса", а не как утверждение об определенной "исторической" необходимости*³³. Закон свободного падения, выраженный в формуле $S = gt^2/2$, ни в коем случае не означает, что если какой-то конкретный процесс в течение двух первых секунд осуществлялся по типу свободного падения в соответствии с этой формулой, то и в третью секунду будет справедливо $S_3 = gt_3^2/2$. Эта формула сохраняет справедливость в качестве описания процесса в третью секунду лишь в том случае, если данный конкрет-

ный процесс действительно принадлежит к типу свободного падения не только в первые две секунды, но и в третью. Только в этом случае из S_1 и S_2 по формуле с *необходимостью* вытекает величина S_3 . Однако эта необходимость ни в коем случае не означает, что в каждом историко-географически реализованном случае из первых двух фаз свободного падения должна следовать и третья его фаза. Между второй и третьей фазами может произойти какое-то другое событие, например, столкновение падающего тела с другим. В этом случае отменится вовсе не справедливость данной формулы в качестве описания типа процесса "свободное падение", но ее пригодность для описания данного конкретного события, причем только потому, что данный случай уже не относится больше к этому типу процессов и в силу этого должен "подчиняться другим законам". Здесь особенно впечатляет то, что закон и связанная с ним необходимость имеют смысл при условии, когда они понимаются в качестве определения типа, а не в качестве определения совокупности (множества) историко-географических индивидуальных образований. Закономерность ни в коем случае не означает, что индивидуальная реализация того или иного типа процесса, раз начавшись, всегда спокойно и без помех доходит до конца.

Если необходимость ссылаться на определенные типы процессов или состояний и, тем самым, на определенные целостности процессов является сегодня в физике гораздо менее явной, чем в психологии, то это выявляется, наряду с прочими причинами, и тем, что развитие систематики научило физиков конструктивно выводить всю полноту возможных типов процессов и состояний из относительно небольшого числа "фундаментальных типов состояний и процессов" и при этом предпочитать "гомогенные" структуры процессов.

XII

В этом контексте следует, наконец, обсудить еще одну проблему, связанную с вопросом о необходимости или произвольности разграничения кондиционально-генетических типов процессов. Тот, кто всерьез берется за задачу объяснить поведение того или иного человека, т.е. отнести различные психические процессы и состояния к определенным типам или к их взаимодействию, сталкивается с чрезвычайно парадоксальным на первый взгляд фактом.

Порой бывает возможно представить *поведение какого-нибудь человека на протяжении длительного периода*, иногда даже на протяжении нескольких лет, в качестве *одного* процесса, являющегося в своих существенных чертах следствием *одной* определяющей его констелляции сил и поддающегося объяснению, исходя из закона,

³² См. также Schlick, 1925.

³³ Таким образом, даже когда в понятии закона фиксируется однозначная необходимость, это еще не означает неявного утверждения однозначного детерминизма по отношению к ходу историко-географических процессов. На эту тему см. Reichenbach, 1925.

характеризующего данный тип процессов или состояний. Все существенные поступки этого человека можно однозначно вывести, например, из его желания покинуть то или иное окружение, допустим, уехать из родительского дома и достичь вполне конкретной цели, например, соединиться с любимым человеком или начать вести определенный образ жизни. Его поведение по отношению к различным окружающим его людям, представляющимся ему профессиональным возможностям и т.д. может действительно выводиться из весьма небольшого числа центральных фактов.

Если же теперь выбрать из этого временного периода *совсем небольшой промежуток времени*, допустим, несколько секунд, и попытаться объяснить поведение данного человека за этот короткий промежуток, то, как правило, мы окажемся вдруг вынуждены рассматривать в качестве определяющих поведение сил совсем другие факторы, чем те, которые были выделены выше. Например, возникает необходимость объяснить, почему человек, который в данный момент едет на велосипеде, наехал на лежащий на дороге камень, а не объехал его. И для объяснения поведения сразу придется привлечь совсем другие факты – например, размещение деревьев по обеим сторонам улицы, создавшуюся дорожно-транспортную ситуацию и т.д. И, наоборот, факты, которые имели решающее значение для объяснения процесса поведения в рамках выбранного нами небольшого промежутка времени, часто могут вообще не приниматься в расчет, когда надо объяснить поведение на протяжении длительного периода – несмотря на то, что процессы, имевшие место в выбранные нами три секунды, составляют часть общего хода поведения в течение длительного периода.

И от этой парадоксальности нельзя освободиться, просто сказав, что эти три секунды не имеют сколь бы то ни было существенного значения для всего поведения в целом. Ибо аналогично этим трем секундам обстоит дело если и не со всеми, то во всяком случае с большинством трехсекундных промежутков, при рассмотрении каждого из них самого по себе. Всякий раз для объяснения *“в розницу” приходится привлекать другие силы и типы процессов, чем для объяснения “оптом”*.

Впрочем, в рамках целостного процесса могут быть и такие отдельные моменты, когда факторы, господствующие над общим ходом поведения на протяжении нескольких лет, одновременно являются и решающими силами, исчерпывающе определяющими ход процесса в данные несколько секунд. Это могут быть, например, моменты радикальных решений, когда рассматриваемый нами человек особенно ясно осознает свою общую ситуацию. Однако не подлежит сомнению,

что в общем ходе всего процесса в целом такие моменты являются очень редкими. Так что почти всегда для объяснения небольших коротких событий приходится привлекать совершенно другие факторы, чем для объяснения тех целостных процессов, в которые эти небольшие события входят.

При этом та *степень однозначности*, с которой весь процесс в целом выводится из определяющих его фактов, является совершенно такой же (т.е. не меньше, но и, с другой стороны, не больше), как и та степень однозначности, с которой задают более частный процесс соответствующие ему значимые факты. И *степень* внутреннего единства большего процесса, его отграниченность от более ранних или одновременных с ним процессов того же уровня является совершенно такой же, как и степень единства и отграниченности друг от друга меньших процессов. Разумеется, может случиться и так, что более общий процесс относится даже к тому же самому типу, что и многие из входящих в него частных процессов. Не является ли, в конечном счете, вопрос о том, что принимать за целое, вопросом чисто произвольного выбора?

Обсуждаемые здесь отношения обнаруживают существенное родство с определенными указанными Хайдером³⁴ моментами, относящимися к *объектам разнорядковой величины*. Для движения Земли в целом безразлично, какие движения осуществляют на ее поверхности люди; и, наоборот, факторы, позволяющие с большой точностью определить движение Земли, оказываются абсолютно недостаточными для того, чтобы определить движение по поверхности Земли отдельного человека или сопоставимого с ним по размерам физического тела. Между образованиями, обладающими размерами того же порядка, что человек, и образованиями размером порядка одной молекулы в физике опять же наблюдается такая же относительная независимость: конкретные факты, которые определяют объекты одного порядка величины, не совпадают (за относительно немногими исключениями, природу которых следует уточнить) с фактами, от которых существенно зависят объекты больших или меньших на несколько порядков размеров. Это положение сохраняет справедливость и тогда, когда образования меньшего порядка находятся “в” (или “на”) образованиях большего порядка.

Речь идет здесь не просто об отношении целого и его несамостоятельных частей. Ибо такая часть целого как раз и определяется в своих существенных чертах этим целым. Однако при переходе к другому порядку величины это положение в общем перестает быть истинным. Образования меньшего порядка величины обычно занимают

³⁴См. Heider, 1927.

относительно самостоятельную позицию в целом более высокого порядка³⁵. Поэтому не случайно не говорят: “образование меньшего порядка величины есть “часть” образования большего порядка”, но говорят, что образование меньшего порядка находится “в” (или “на”) образовании большего порядка. При этом оба образования могут обладать относительно одинаковой степенью самостоятельности и замкнутости по отношению к соседним с ними образованиям того же порядка величины.

Отношение между целым и частью так долго рассматривалось в основном исходя из того, что целое есть просто сумма его частей еще и потому, что в центре внимания находился привычный для физиков переход от того или иного образования к “частям” существенно меньшего порядка величины, допустим, от макроскопического целого к отдельным ионам.

Разумеется, не следует делать отсюда вывод, что если части сохраняют тот же порядок величины, следует мыслить в категориях гештальт-теории, а при переходе к частям меньшего порядка величины – суммативно. Скорее следует подчеркнуть (отвлекаясь от прочих относящихся сюда соображений), что речь идет не о разнице величины самой по себе, но об особом *виде членения*: в имеющихся в виду случаях конкретная структура членения целого в основном не доходит до этих мелких составных частей. Части целого по всей вероятности лишь тогда приобретают функциональный характер составных частей “меньшего порядка величины” в нашем смысле, когда их членение несущественно для специфического вида членения целого. Таким образом, *отношение между такого рода составной частью меньшего порядка и объемлющим ее целым не является уже истинным отношением “часть–целое”, но представляет собой существенно другое отношение: “одно в другом”*³⁶.

Аналогичные различия порядка величины имеют место и среди процессов. И здесь тот или иной процесс может не только быть несамостоятельной частью более глобального процесса (при этом частичный и глобальный процессы являются, в общем, однопорядковыми), но меньший процесс может и функционально являться элементом “внутри” процесса более высокого порядка. Таким образом, применительно к микро- и макроскопическим процессам речь идет не о настоящей части целого, но о различных процессах, каждый из которых требует отдельного объяснения. Вопрос, где в каждом конкретном случае должна быть проведена граница между рассматриваемым процессом и соседними с ним, и о том, в какой мере рассматриваемый процесс независим от соседних, не разрешается наблюдателем произ-

вольно, если мы исходим из кондиционально-генетических взаимосвязей, а однозначно диктуется самим предметом. И сам вопрос, следует ли рассматривать подлежащий объяснению процесс как самостоятельный элемент внутри целостного процесса или же как настоящую, но просто очень маленькую, несамостоятельную часть большего процесса, решается исходя из внутренней необходимости; и поскольку рассмотрение каждым из способов приводит к различным содержательным следствиям, оно будет адекватным в одних случаях и неадекватным в других.

Решающим для этих отношений является прежде всего *величина и длительность существования системы сил*, определяющих обсуждаемый процесс. Однако мы не имеем здесь возможности вдаваться в этот вопрос о зависимости целостных процессов от *динамических* в узком смысле факторов.

XIII

Наши последние рассуждения можно было бы резюмировать следующим образом: в психологии, как и в других науках, следует различать *образования и процессы*. По отношению и к тому, и к другому встает задача фенотипического и кондиционально-генетического их определения. *Кондиционально-генетическое определение типа процесса* (сюда относятся и типы состояний) и есть то, что принято называть *законом*. Тезис “одинаковые причины ведут к одинаковым следствиям” является ни чем иным, как выражением права, и при рассмотрении процессов тоже восходит от отдельного конкретного случая к кондиционально-генетическому *типу* процесса. “Одинаковость”, о которой идет речь в этом тезисе, точнее было бы назвать инвариантностью по отношению к историко-географической пространственно-временной характеристике. “Всеобщность” и “необходимость” “закона”, выраженные в этом тезисе, являются “всеобщностью”, присущей типу в отличие от индивидуального, исторически однозначно определенного случая (см. выше) и коренным образом отличающей его от любого определенного или неопределенного “множества”, от той или иной историко-географической области. Она одинакова и для “общих классов”, и для “конечных видов” (наиболее конкретных типов), и относится к фенотипу не менее, чем к генотипу. Понятийное оформление такого рода кондиционально-генетических типов процессов и состояний и, тем самым, установление законов находятся в теснейшей связи с адекватным разграничением процессуальных целостностей.

Тем самым и вопрос о *доказательстве закона* получает в определенном аспекте достаточный ответ. Становится понятным, почему при обосновании закона важна не максимальная частота

³⁵ Отношение между объемлющим целым и частью более низкого порядка величины в том, что касается степени самостоятельности, походит скорее на отношение “вещи” и “среды”.

³⁶ Разумеется, с формально-логической точки зрения даже микроскопический элемент целого должен рассматриваться в качестве его настоящей части. Однако вопрос о применимости такого рода рассмотрения по отношению к тому или иному объекту не может решаться произвольно; в одних случаях такое рассмотрение будет правильным и адекватным, в других – ложным и неадекватным. Как уже упоминалось, *бывают* и такие случаи, где и микроскопические элементы выполняют функцию настоящих частей макроскопического целого.

одинаковых случаев. Ведь речь здесь идет не о том, чтобы распространить правило с нескольких членов некоторого множества на всех его членов. Отдельный образец того или иного типа не является его частью точно так же, как и член множества не является образцом этого множества. Таким образом, восхождение от наличного *здесь и теперь* случая к “всеобщему” типу оказывается возможным сразу – если только к этому восхождению к “образованиям такого рода” не примешивать еще и обобщение, т.е. “восхождение” к классу более высокого порядка. Это так же верно для *процессов* или *состояний*, как и для “вещей”.

И если, несмотря на все это, реальное исследование, как правило, не довольствуется при установлении закона его единственным подтверждением – это, впрочем, ни в коей мере не равнозначно его стремлению набрать как можно больше одинаковых случаев, – то это определяется следующим: закон представляет собой характеристику *кондиционально-генетического* типа процесса, который феноменально можно охарактеризовать не как нечто однозначное и жестко фиксированное, но как множество разных способов поведения в разных ситуациях. Следует избегать возможных фенотипически не проявляющихся историко-географических, т.е. “случайных” с точки зрения систематики, констелляций и с помощью статистических методов исключать влияние этих меняющихся случайных “остаточных факторов” на данные, полученные при реальной изоляции процесса от влияний окружающей среды, окружив его непроницаемыми границами.

Одним из самых существенных способов установить, с чем мы имеем дело в данном конкретном случае – с историко-географической, т.е. случайной с точки зрения понятий типа и закона, суммой влияний, или с реальной целостностью процесса/состояния, – является *эксперимент*. Он позволяет непосредственно проверить, имеем ли мы дело с первым, или со вторым, и в случае регулярностей, с которыми сталкивает нас повседневная жизнь. И оказывается, что порой одного единственного или *совсем небольшого числа экспериментов достаточно, чтобы* доказательно опровергнуть закон, который, как нам казалось, мы установили на основе тысячекратно повторяющегося повседневного опыта. Приведем лишь один пример: согласно теории ассоциаций и популярной теории формирования навыков издавна считалось, что если часто выполнять два действия последовательно одно за другим, то этого достаточно для того, чтобы после выполнения первого из них у человека возникало побуждение сделать и второе. Определяемую таким образом силу, в просторечии называемую привычкой, а по-научному – ассоциацией, положили в основу более общих законов. Теперь же мы знаем, что этот закон (по крайней мере, в старой его форму-

лировке) является ошибочным. И мы узнали это благодаря очень небольшому числу экспериментов. Если бы мы начали здесь мыслить *статистически* и противопоставили бы небольшому числу экспериментально исследованных случаев множество случаев повседневной жизни, которые, как нам кажется, говорят *в пользу* ассоциации, то эти несколько экспериментальных случаев ничего бы нам не сказали. Они сохранили бы “вероятности” того, что мы ожидаем в будущем практически неизменным. Однако, вопреки этому экспериментатор может и даже *должен* набраться мужества опираться при установлении закона не на большое, а на малое число случаев и переложить ответственность за случаи из повседневной жизни на постоянное присутствие определенных дополнительных условий, которые не относятся к “сути дела”, а являются выражением историко-географической констелляции в самом широком смысле этого слова.

Серьезное отношение к понятию закономерности и переход от понятия правила, допускающего исключения, к понятию закона, категорически их не допускающего, первоначально приводят, по нашему мнению, к чрезвычайным затруднениям в исследовании этого неподатливого материала, с которым имеет дело психология. Ибо тезис о том, что закон должен быть верен во всех без исключения случаях, обязывает нас отказываться от того или иного закона, как только мы встретимся даже с одним-единственным исключением из него. Однако теперь мы видим, что строгое понимание закономерности одновременно показывает и выход, благодаря которому можно надеяться и в психологии продвинуться от абстрактной веры в закономерность к установлению конкретных законов. Ибо строгое понимание закона одновременно дает нам и право основывать доказательство закона не на статистической частоте одинаковых случаев, а на результатах *одного-единственного эксперимента*.

И реальное развитие весьма разных областей экспериментальной психологии за последнее время демонстрирует нам все более резкий отказ от простого увеличения частоты повторения одинаковых экспериментов и постепенное выдвижение на передний план глубинного анализа отдельных случаев. Опровергается тезис о том, что эксперимент должен обязательно быть воспроизводимым, и даже в исследовании индивидуальных различий, которыми занимается, в частности, прикладная психология, исследователи стремятся вместо увеличения частоты отдельных фактов и вычисления средних значений найти адекватный метод, что находит наиболее яркое выражение в “казуистике”, т.е. в углубленном анализе отдельного случая³⁷.

³⁷ См., например, работы Гельба и Гольдштейна, Петерса и др.

XIV

Строгое понимание закона дает нам право перейти от отдельного экспериментально исследованного случая к типу, т.е. к общезначимому закону, который одинаков как для гения, так и для идиота, как для здорового, так и для больного. С другой стороны, мы не имеем права просто так распространять выводы того типа, к которому принадлежит данный отдельный случай, на какой бы то ни было другой тип, даже если нам кажется, что речь идет о достаточно родственном типе. Это значит, что у нас нет права *“обобщать”* в строгом смысле этого слова тот или иной отдельный случай, но мы должны при характеристике типа процесса, который кладем в основу всеобщего закона, учитывать всю конкретную действительность отдельного случая.

Это означает весьма серьезную трудность, относящуюся прежде всего к установлению кондиционно-генетического типа процесса (или состояния), а, стало быть, к формулированию закона. Если мы хотим экспериментально исследовать закон определенного явления и при этом набираем большое количество случаев для их последующей математической обработки, то необходимо быть уверенным в том, что речь действительно идет о случаях, относящихся к одному и тому же кондиционно-генетическому типу. Причем одного лишь равенства внешних условий для этого недостаточно. Различия испытуемых и внутренних состояний одного и того же испытуемого в разных опытах всегда оставляют еще одну возможность различия общей ситуации в разных опытах: а именно, одна и та же внешняя ситуация может означать нечто совершенно различное для разных испытуемых. А потому реально протекающий процесс может относиться к весьма различным типам. И только наблюдение за фактическим ходом процесса в данном конкретном случае позволяет решить, принадлежит ли этот процесс к тому или к другому типу.

Таким образом, следует перейти от повсеместно используемого в популярной психологии понятия внешней *“работы”* (в частности, от понятий писания, учения, сочинения, любви, познания) к идентификации конкретного фактического процесса, имеющего место в каждом отдельном случае.

Если принять во внимание, что одинаковый тип процесса является предпосылкой получения одинаковых результатов при повторении эксперимента, то становится понятным парадоксальное на первый взгляд обстоятельство (которое все чаще выявляется в психологии): стабильных результатов эксперимента можно ждать не в случае возможно более *“простых”* внешних условий, а как раз в случае *“сложных”* внешних условий. В самом деле, отдельный изолированный стимул при различной базе реакций испытуемых может вести к совершенно различным следствиям. Однако, если позаботиться о том, чтобы оба раза

имел место один и тот же развернутый процесс, например, чтобы данному *“стимулу”* предшествовала достаточно длинная последовательность определенных ожиданий и разочарований, успехов и неудач, то каждое отдельное событие будет достаточно стабильно приводить к одним и тем же последствиям. Причем даже характерологические различия испытуемых оказывают обычно в ситуации развернутых процессов крайне незначительное влияние на тип процесса.

XV

Это позволяет отклонить и еще одно возражение против эксперимента, а именно: эксперимент якобы *далек от жизни* и никогда не удастся, например, экспериментально исследовать реальные волевые процессы просто потому, что в экспериментальной ситуации невозможно вызвать никаких жизненно значимых волевых решений. А переносить результаты исследования незначимых для испытуемого волевых решений, которые можно воспроизвести в эксперименте, на жизненно значимые решения мы не имеем права, поскольку это качественно совершенно различные процессы.

Перед лицом такого рода возражений полезно было бы вспомнить о том, что аналогичные аргументы выдвигались некогда и по отношению к *молодой физике*. Когда в физике появилась идея всеобщих законов движения, стали возражать, что качественно столь различные процессы, как передвижение человека по земле, перекатывание шара, полет птиц и движение звезд по небу совершенно невозможно подчинить одному и тому же закону. А что касается количественного различия процессов, то ведь и физики при исследовании электричества не экспериментируют *“близко к жизни”*, т.е. с громом и молнией.

Близость к жизни эксперимента следует искать не в количественном соответствии с действительностью, — решающим здесь является то, действительно ли в обоих случаях мы имеем дело с процессами одного и того же *типа*. Если речь в самом деле идет о процессах одинаковой структуры, то перенос результатов допустим в достаточно широком диапазоне различий абсолютных интенсивностей. Только там, где количество переходит в качество, где интенсивность или (что для психологии еще важнее) глубина залегания процесса в психике меняется так сильно, что сам тип процесса претерпевает изменения, перенос становится недопустимым. В такого рода случаях следует попытаться экспериментально воспроизвести уже новый тип процесса. Впрочем, при этом стоит иметь в виду, что при исследовании процессов очень большой интенсивности все науки сталкиваются с определенными ограничениями. Однако было бы ошибочным считать, что

глубоко лежащие слои психики принципиально недоступны для экспериментальной психологии.

Я далек от мысли о том, что в экспериментальной психологии налицо множество не очень глубоко обоснованных опытов. (Да и может ли быть иначе в столь юной науке!). И я полностью согласен с тем, что не стоит недооценивать большую часть тех стимулов и прозрений, которые дают нам опыт медиков и *повседневной жизни*. Этот опыт также может явиться в будущем существенным источником психологического познания и исследования (точно так же, как при превращении в будущем психологии в науку, устанавливающую законы, *статистика* несомненно по-прежнему будет выполнять в ней важные функции). Однако аналогично тому, как это уже происходит сегодня в психологии восприятия, где вытекающие из экспериментальных исследований вопросы начинают играть все более существенную роль в постановке проблем, и в психологии "высшей" душевной жизни удельный вес экспериментальных фактов должен постепенно увеличиться. Приведем лишь один пример той роли, которую может играть экспериментальный метод в реше-

нии проблем центральных душевных процессов. Теории Фрейда и Адлера объясняют одни и те же феномены временами существенно по-разному. И сколь важными познаниями обязана психологическая наука обоим этим исследователям, столь ощутимой оказывается связанная именно с этими теориями опасность того, что некоторые в определенном контексте вполне оправданные понятия расширяются до радикальной всеохватывающей системы. И только экспериментальное воспроизведение и исследование, например, процесса вытеснения или замещающего удовлетворения (задача, которая уже сегодня находится в сфере возможностей экспериментальной психологии) может стать основой для поддающейся проверке теории.

Впрочем, именно с точки зрения изложенного здесь понимания эксперимента и закона и их тесной связи с понятиями типа и целостности нет принципиального барьера между теми типами психических образований, состояний и процессов, которые выявляются в эксперименте, и теми, определение которых основывается на других средствах и способах научного исследования.